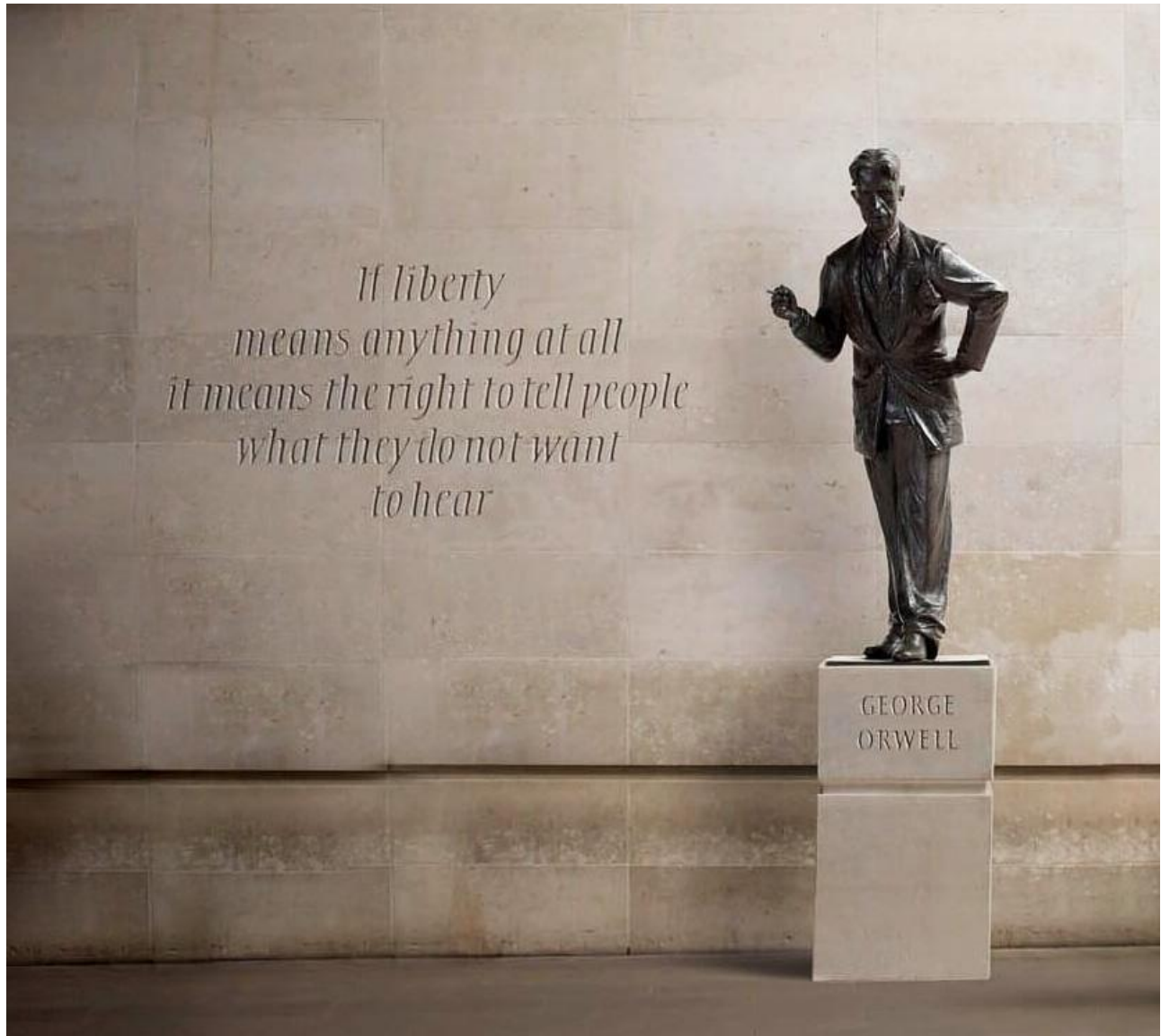

Подсознательные мотивы языкового шабаша “у-мовних патриотів”

(“у-мовный” – “україномовний” + “условный, фиктивный”)

памятник Оруэллу в Лондоне, у входа в штаб-квартиру BBC

В эпитафиях использованы фрагменты
стихотворения И. Бродского “Речь о пролитом молоке”

Вступление

“Проще различье найти, чем сходство”

© И. Бродский

Каждый внимательный человек, наблюдающий за происходящими контр-культурными тенденциями, которые сложились в Украине после вторжения российских войск, рано или поздно задается вопросом: чем объяснить тот факт, что жители многоязычной Украины из всего разнообразия характеристик и атрибутов российского агрессора решили сосредоточить свою ненависть на самом неубедительном – на его русском языке? Какие наблюдения за русскими солдатами позволили украинцам прийти к выводу, что именно *русский язык* представляет для них угрозу, которую они сейчас воспринимают едва ли не на уровне экзистенциальной? Какие новые факты о жизни и привычках российского обывателя им открылись за последние несколько месяцев? Ведь до этого времени украинские патриоты ничуть не комплексовали пользоваться русским языком – языком, на котором разговаривала половина Украины. Что изменилось после вторжения?

Может быть, ворвавшаяся в сумскую область кантемировская дивизия, которую столь бесславно прогнали несколько недель спустя, оставила после своего отступления в брошенных окопах и в загаженных капонирах томики “Войны и мира” Л.Н. Толстого? Или, может быть, дотошные украинские журналисты раскопали детали быта псковских десантников и ужаснули украинцев рассказами о том, как в самой России эти десантники изводят всех окружающих постоянными цитатами русских поэтов и принуждают окружающих садиться с ними за стол, чтобы сыграть в свое любимое развлечение – буриме?

Может быть, стало известно, что в оккупированных городах и селах оккупанты разговаривают с местными жителями безупречным русским языком, демонстрирующим приобщенность рядового состава к классической литературе XIX века (тем самым выдавая, что они воспитывались не на фильмах “Бумер”, “Бригада” и “Брат-2”, а на произведениях Чехова, Гоголя и Достоевского)?

Быть может, еще раньше, с 2014 года, сразу после захвата Крыма, Донецка и Луганска, эти захватчики, наравне с лицемерным определением *“вежливые люди”*, также получили в российской пропаганде еще одно название: *“начитанные люди”*? Наверное, они повсюду насаждали русскую классику, требуя от граждан Лугандонии с утра и до вечера учить сказки Пушкина, и не допускали на работу тех госслужащих, которые не сдали экзамен о перипетиях взаимоотношений Наташи Ростовской с князем Андреем (или, на худой конец – Ивана Ивановича с Иваном Никифоровичем)?

А может быть, узкоглазые буряты, грабившие и убивавшие жителей Ирпня и Бучи, шокировали местное население цитатами из Пушкина и Чехова, рассказывая жителям этих городов о том, что про необходимость их “спасения” они узнали непосредственно из произведений Лермонтова, Куприна, Замятина или хотя бы Максима Горького?

Может быть, кто-то из захваченных в плен жителей дальнего востока оправдывал правомочность вторжения в Украину, ссылаясь на цитаты из Достоевского и Куприна, и аргументировал свое отношение к украинскому суверенитету при помощи фрагментов стихотворений Ахматовой и Ходасевича? И при этом его походной рюкзак был отягощен не микроволновками, которые он намародерил в домах украинских граждан, а собраниями сочинений Тургенева?

Вы скажете, что это нечестно – ссылаться на подобные примеры. Не буду спорить. Мы можем вообще не рассматривать рядовых солдат. Я даже готов сделать еще больше – давайте перепрыгнем через офицерский состав (чей культурный уровень ничем не отличается от уровня цивилизованности рядовых) и сразу обратим свое внимание на министра обороны России, на их главнокомандующего, а еще лучше – на самого президента России. Вам известны какие-либо подтверждения того, что психологию главного вдохновителя войны – В. Путина – формировали произведения гениев русского слова? Может быть, мы видели свидетельства того, что он испытывает не протокольный, а подлинный интерес, посещая выставки и разнообразные культурные мероприятия, посвященные гениям словесности? Ни одного факта подобного интереса вы не обнаружите за всю историю его правления – за исключением интереса к художественной гимнастике, и то – весьма своеобразного.

Что же касается общекультурного уровня главного идеолога российского фашизма (в частности, его музыкальных вкусов), то каждый из нас без малейшего труда вспомнит об истинных любимцах Путина – группе “Любэ” и рокере Залдостанове.

О том, на какой дистанции от этих двух “культурных феноменов” находятся классики русской литературы, оставляю судить астрономам – они лучше меня умеют оперировать такими величинами.

Навозну кучу разрывая...

***“Не желаю искать жемчуга в компосте!
Я беру на себя эту смелость!
Пусть изучает навоз кто хочет!”***

© И. Бродский

Итак, наши поиски влияния русской классической литературы на современный русский фашизм успехом не увенчались. Ни на уровне исполнителей, ни на уровне вдохновителей агрессии каких-либо следов Пушкина или Булгакова обнаружить не удалось. И это не должно удивлять. Во все времена своего существования российское государство пыталось подчинять таланты своим задачам, и нередко добивалось своего. Однако чем успешнее были эти попытки, тем меньший след в мировом культурном наследии оставляли авторы, подчинившиеся регламенту левиафана. Имена людей, памятники которым у-мовные патриоты сносят в патриотическом угаре, прошли проверку временем и гуманистическими ценностями нашей цивилизации. Те же писатели, которые пытались совмещать сервильность с талантом, в результате – либо уничтожали сами себя (зачастую в прямом смысле этого слова), либо превращались в лоскутное эклектическое одеяло, подобно известному всем “либеральному имперцу” Акунину, убеждения которого у думающих людей могут вызывать лишь сочувственное пожатие плечами.

Российское общество (сперва написал “Современное российское общество”, но затем удалил дейксис) являет собой прекрасную иллюстрацию того, как конъюнктура и страх уничтожают саму суть творчества, превращая талантливого писателя, имевшего шансы оставить след в мировой культуре, в конвейерную службу заказной банальщины. О том, как российское (и советское) общество последовательно уничтожало всякую творческую мысль и подавляло талантливых писателей, вы можете прочитать в замечательном цикле Бенедикта Сарнова – я его настоятельно рекомендую каждому, кого интересуют вопросы свободы мысли на территории этой проклятой ¼ части суши. Однако еще раз напоминаю – эта рекомендация адресована исключительно украинским патриотам. Ни в коем случае не российским. Им уже поздно читать даже Оруэлла.

Можно ли найти в современной российской литературной жизни подлинные следы культурного наследия тех классиков и гениев, на которых любят ссылаться все патриоты? Безусловно. Однако эти явления настолько незначительны и вырваны из культурной жизни страны, что никак не влияют на нее. Это минорные стохастические возмущения, мелкие всплески на давно зачищенном поле, где обильно произрастает бурьян конъюнктуры.

А что сейчас колосится на этом поле? Какую литературу читает современный россиянин, за что он готов отдавать свои деньги? В первую очередь во всей этой разножанровой массе нас должны интересовать именно те произведения и темы, чей взлет популярности синхронизирован со взлетом популярности фашистских идей в ментальности российских обывателей.

Ответов несколько, но самым иллюстративным из них, пожалуй, будет жанр, который называется “попаданцы”. Именно эта “литература” (не могу без кавычек написать это слово) расплодилось за десятилетия путинского правления. Каждый, кто хотя бы раз сталкивался с экземплярами этой псевдолитературной жвачки (и авторами, трудящимися в данном жанре), согласится, что весь этот печатный мусор существует не благодаря тому, что Пушкин и Достоевский приняли участие в развитии русского языка и литературы, а вопреки самому факту существования классической русской литературы.

Тем не менее, именно эта макулатура воспитывает современного российского обывателя. Именно она в последние десятилетия востребована им больше всего. Надеюсь, что читающий эту статью сумеет справиться со спазмами в своем желудке, когда я продемонстрирую подборку обложек этого жанра. Я не подбирал какие-то особенно одиозные образцы, это просто первая страница результатов, которые выдал гугль:

Давайте не будем лукавить – все украинские патриоты прекрасно осведомлены о том, что на самом деле читают современные русские. Они не настолько наивны, чтобы предполагать, что среднестатистический российский обыватель отдает предпочтение более сложной и глубокомысленной литературе, чем он сам. Не станет же украинский патриот и добропорядочный носитель вышиванки допускать крамольную мысль, что его оппонент из России предпочитает Голливуду – классику Феллини, Тимати – творчество Нино Рота или более современного Джона Дюпре (не философа, а композитора), а упомянутой выше макулатурной беллетристике – классическую русскую литературу?

Конечно же нет. Ведь сами украинские обыватели читают аналогичную макулатуру (разнятся лишь обложки и имена героев – например, имя Леся Подеревянского прекрасно гармонирует со всеми

вышеприведенными обложками, аудитория, вкусом которой он ублажает, абсолютно идентична аудитории жанра “попаданцев”), поэтому каждый из них понимает, что вкусы российского потребителя медиа-контента полностью идентичны его собственному.

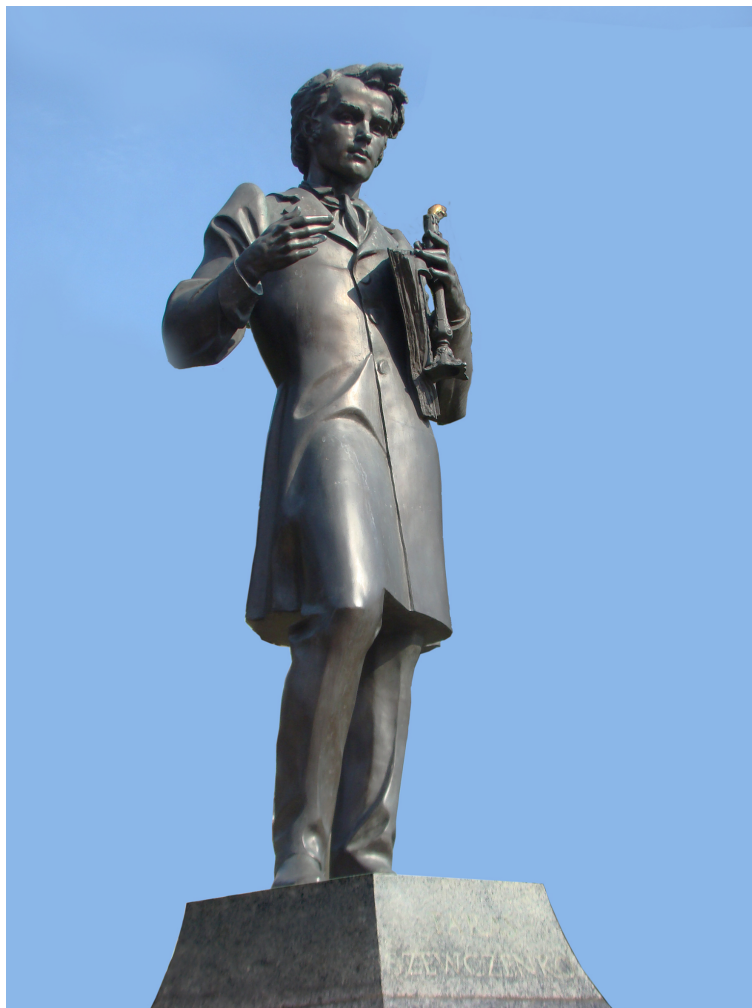
Именно в этой схожести их интересов и заключается значительная доля того мощного патриотического порыва, который каждому из них дает решимость *умереть за свой язык*.

Перед тем, как приступить к анализу этого мотива, давайте попробуем еще одну попытку обвинить русскую классическую литературу в русском фашизме. Может быть, стоит попробовать провести лексический и семантический анализ текстов Пушкина, Гоголя, Чехова, Куприна, Аверченко, Булгакова и еще десятков других, чтобы найти в них ясно и недвусмысленно выраженные или спрятанные в витиеватых эвфемизмах выпады в адрес украинского народа?

Увы, если взять на вооружение подобный подход и применить его к какому угодно культурному артефакту мирового уровня, окажется, что любая нация имеет право *отменить* практически всех писателей, в том числе своих собственных. Если его применить для оценки литературного наследия украинских писателей, то самым первым должен пострадать Т.Г. Шевченко – за неоднократно встречавшуюся в его стихах ненависть к “*ляхам, жидам та москалям*”.

О его лапидарных определениях сущности поляков, полагаю, знает каждый ценитель украинской литературы. Странно, что это не помешало самим полякам поставить ему памятник в своей столице. Вероятно, польские квази-патриоты объясняют этот факт “*происками Киева*”.

памятник Т.Г. Шевченко в Варшаве

А пропус (не сарказма ради, а исторической справедливости для): из крепостного рабства молодого Т.Г. Шевченко выкупили именно русские интеллигенты. Конечно же, будущий Т.Г. ни одного из них никогда не называл “москалем”, поскольку в его время этот термин имел четкое определение – *русский солдат*. Почему именно российская творческая интеллигенция занималась судьбой молодого Шевченко – отдельная тема. Украинская интеллигенция также могла помочь молодому Тарасу, но по каким-то причинам сделали это именно русские. Наверняка, наши патриотические историки уже *занимаются* объяснением этого неприятного исторического факта, и я не сомневаюсь, что они уже нашли достаточно убедительные и патриотические обоснования, которые укладываются в концепцию “*все русское – враждебно*”.

Итак, художник Брюллов написал портрет Жуковского по его просьбе, этот портрет был немедленно разыгран на частном аукционе и необходимая для выкупа Шевченко сумма была собрана. В это время в самой Украине было достаточно состоятельных украинцев и меценатов, чей кошелек не опустошила бы сумма в 2500 рублей, необходимых для выкупа будущего национального гения. Но так вышло, что именно у русской интеллигенции нашлись и желание, и возможность для освобождения из крепостного рабства кумира наших патриотов.

Итак, украинский певец чести и достоинства обрел свободу – и, в благодарность за это, написал в 1838 поэму «Катерина», посвятив её своему спасителю Жуковскому. Одни из первых её строф стали маркером всего творчества ТГШ:

“Кохайтеся ж, чорнобриві,
Та не з москалями,

Бо москалі — чужі люде,
Згнуццаюцца вамаі.”

Как нужно относиться к собственной национальной иконе, чтобы допустить хотя бы на мгновение мысль о том, что Шевченко способен был даже отдаленно ассоциировать с “москалями” своих русских друзей? Каким *патриотом* нужно быть для этого?

Если использовать прием “выискивания крамольных цитат”, то Дюма в Англии давно должен быть под абсолютным запретом, а сам французский язык – низведен до положения “языка проклятых оккупантов” (это же насколько *непатриотичными* народами должны быть англичане и французы, если после всех своих столетних войн они так и не догадались “отменить” культуры друг друга!). А ведь то, что писал Дюма об англичанах, куда одиознее всего того, что можно (даже при самом придирчивом подходе) найти в русской литературе в отношении украинского народа. Но как бы мы ни старались, даже при всем нашем желании мы никогда не найдем в классической русской литературе *специально спроектированной ненависти к Украине* и таких античеловеческих мотивов, из которых мог бы вырасти чудовищный по своей форме и содержанию фашизм, захвативший сознание практически всех граждан РФ XXI века – в т.ч. тех, кто считают себя “либералами” и “демократами”.

Абсолютно невозможно найти какие-либо следы влияния русской литературы в той патологической ненависти, которую продемонстрировал режиссер Владимир Бортко, поддерживавший все фашистские тезисы Путина и призвавший к тотальному уничтожению Украины. Это еще одна иллюстрация того, что русский народ и русскоязычное культурное наследие сосуществуют друг с другом, не допуская абсолютно никакого взаимопроникновения. Классический представитель русского мира может виртуозно обращаться с феноменами русской культуры, он умеет искусно манипулировать цитатами из классиков и нередко даже оказывается способен обыграть то или иное произведение в собственном творчестве – но он никогда не впустит внутрь своего собственного мира содержание и ценности этого культурного наследия. Он никогда не смешает свою собственную – одновременно холуйскую и имперскую – систему ценностей с ценностями, которые пропагандировали русские классики.

Режиссер Владимир Бортко много лет назад сделал замечательную экранизацию “Собачьего сердца” Булгакова, в которой великолепно показал убогость шариковых и швондеров. Знаменитое булгаковское произведение именно благодаря ему стало известным среди обывателей СССР (а позже и ex-СССР). Обыватели растащили фильм на цитаты и мемы... И этим ограничилось всё его влияние на их менталитет. Точно так же, как влияние произведения Булгакова на менталитет самого режиссера ограничилось съемкой самого фильма.

За период путинского правления Бортко деградировал до состояния оголтелого украинофоба, причем его риторика стала напоминать риторику его собственных персонажей. Неужели в этом скатывании в фашизм виновато произведение Булгакова? Может быть, мы недостаточно хорошо понимаем Булгакова, а в его произведениях на самом деле имплицитно содержатся какие-то античеловеческие призывы?

Мы действительно недостаточно хорошо понимаем Булгакова. Или плохо помним его произведения. Ведь именно Булгаков объяснял нам, что каждый Шариков иммунен к культуре. На какое-то время пса можно превратить в человека, но рано или поздно он неизбежно вернется в свое истинное – собачье состояние, потому что человеческий облик, который придали ему талантливые руки профессора Преображенского, для него неестественен. Бортко просто вернулся в то состояние, которое было ему родным, едва только окружающая обстановка позволила ему снять маску и показать свое собственное лицо. Не будем отрицать – эту маску он носил довольно искусно. Но разве Булгаков виноват в том, что она так и не срослась с физиономией лицедея?

Но давайте вернемся к Шевченко, ляхам, жидам и москалям. Цивилизованные и думающие люди не дробят культурные феномены на произвольные фрагменты, чтобы затем просеивать их через пропагандистское решето. Они понимают, что в литературе отражается вся общественная жизнь, и что естественным следствием этого будет освещение самых различных установок и отношений, которые возникают при неизбежных коллизиях между нациями. Как писал Анатолий Франс в “Острове пингвинов”:

“— Ну вот поэтому-то пингвины и ненавидят дельфинов.

— Разве это причина для ненависти?

— Разумеется. Сосед — значит, враг. Посмотрите на это поле, рядом с моим. Его хозяина я ненавижу больше всех на свете. После него злейшие враги мои — жители вон той деревни, что лепится по горному склону с другой стороны долины, пониже березовой рощи. В ущелье, стиснутом горами, только и есть что две деревни — наша и та; они и враждуют одна с другой. Стоит нашим парням встретиться с их парнями, как сейчас же начинается перебранка, а там и потасовка. И вы хотите, чтобы пингвины не питали вражды к дельфинам. Неужели вы не понимаете, что такое патриотизм!”

Неудивительно, что в своих произведениях Шевченко выливал тонны ненависти на поляков и россиян. Вполне естественно то, что Гоголь устами своих героев выражал недоверчивое отношение украинцев к москалям. Однако при этом он не забывал пройти своим грустным юмором и по недостаткам собственного народа (которые он знал очень хорошо, и которых с тех пор не стало меньше).

Таким образом, что у нас остается из кажущихся оснований для ненависти в адрес русской литературы, заслуживающей право называться мировой литературой? Ровным счетом ничего. Как мы убедились, современные носители русского языка спокойно существуют отдельно от культурного наследия лучших представителей своего народа. Но разве в этом они чем-то отличаются от какого-либо иного народа на планете? Это закон любого общества – и наше собственное тоже не является исключением из этого правила.

По [данному опросу КМИС](#), проведенного в сентябре 2018 года, большинство взрослых жителей Украины (60%) в течение последнего года не прочитали ни одной книги (электронной или печатной) и не посещали ни библиотеку, ни книжный магазин. При этом по данным опроса Research & Branding Group, в конце 2019 года большинство украинцев (57%) практически не читает книг.

Более того, скоро читающих украинцев станет еще меньше потому, что русскоязычная литература исчезает с магазинных полок – хотя именно она наиболее востребована среди читателей Украины. Ознакомьтесь со следующими цифрами, которые назвали издатели Украины в 2020 году ([цитата взята отсюда](#)): *“Что касается языка — чуть больше респондентов выбирают книги на русском (28%), чем на украинском (24%), однако 33% выбирают язык, на котором была написана книга, а для 12% — язык книги не имеет значения.”*

Графік 1. Упродовж останнього року які з культурних заходів Ви відвідали?

Графік 2. Жодного культурного заходу за останній рік не відвідали

Графік 3. Жодного культурного заходу за останній рік не відвідали

Ни для кого не секрет, что среднестатистический русский читает Толстого и Чехова в лучшем случае один раз в жизни и исключительно из-под палки – во время учебы в школе. И все мы хорошо понимаем, что если заменить в этом предложении “русский” на “украинец”, а “Толстого и Чехова” на “Шевченко и Леся Украинка”, оно отнюдь не потеряет своей достоверности. Покинув школу, обыватель легко забывает о прочитанном (однако имена авторов из памяти не выпускает, ибо это – основа его гордости через идентификацию по национальному признаку!), после чего навсегда переключается на телевизор, “попаданцев” или аналогичную жвачку.

Постойте, а чем же тогда объяснить мотив ненависти украинских патриотов к самому русскому языку?

Увеличиваем фокус

***“Я не занят, в общем, чужим блаженством.
Это выглядит красивым жестом.
Я занят внутренним совершенством:
полночь — полбанки — лира.”***

© И. Бродский

Каждый образованный человек скажет вам, что значительная часть классической русской (и не только русской) литературы посвящена попыткам указать обывателю на его животное состояние, на примитивизм его интересов, попыткам воспитать его, поднять над самим собой. Русская литература на протяжении всей истории своего существования преследовала цели воспитания и просвещения своего народа, всеми силами пытаясь выдать из рядового россиянина его главные недостатки – его рабскую натуру, ограниченность, склонность к мракобесию и чванству.

Как только эту идею ни пытались донести до сознания русскоязычного читателя! Ее преподносили в сказках, рассказах, наставлениях, эзоповым языком, намеками, в лоб, косвенно, прямо, метафорически, в картинках, в песнях и стихах, подавая эти установки в виде детективов, фантастически произведений, любовных историй, батальных сцен, исторических сюжетов и лирических мелодрам – как угодно! Каждый писатель пытался найти хотя бы малейшую щель в закоряченном менталитете российского холуя, чтобы имплементировать в его примитивную систему ценностей представления о значимости свободы, самостоятельности, прогресса и равенства.

И на протяжении всей истории развития русской культуры рядовые российские граждане упорно сопротивлялись всем этим попыткам, сохраняя практически стопроцентный иммунитет ко всем попыткам заронить в них эту *стволовую идею саморазвития*.

Вина ли русских классиков в том, что эту затею им так и не удалось реализовать en masse? Конечно же, нет. Подобные идеи никогда не воплощаются массово. Культура, созданная русскими классиками, обогатила тех, кто оказался восприимчив к ней, тех, кто смог оценить ее, кто был готов её востребовать. Да, таковых оказалось очень немного, но их всегда и во всех странах – было, есть и будет очень немного. Они есть в России и сейчас, но, как и прежде, ни один из них не играет абсолютно никакой роли в общественных процессах и не способен влиять на судьбу своей страны.

Те же робкие единицы, которые оказались достойными культурного наследия, оставленного им русскими классиками, были вынуждены или мимикрировать под агрессивную среду (зачастую с неизбежной “сдачей позиции” и последующей деградацией), либо превратиться в маргиналов. Когда в

обществе полностью нивелированы общечеловеческие ценности, когда президент братается с Залдостановым, а коричневеющий народ с восторгом подхватывает его речевые обороты “мочить в сортире” и “нравится-не нравится, терпи...”, когда все гуманистические понятия оказываются полностью инвертированными, когда *официальными талантами* назначаются конъюнктурщики и приспособленцы, готовые подхватывать любую государственную пропаганду – подлинный писатель приходит к выводу, что единственно доступный для него выход – это *отрицание отрицания*. Потому что, все, что он может – это дистанцироваться от подобного конформистского ада.

Brian: – You're all individuals!

Crowd (in chorus): – Yes, we're all individuals!

Brian: – You're all different!

Crowd (in chorus): – Yes, we're all different!

Single man (humbly raising his hand): – I'm not.

Crowd: – Shhh!

© “Life of Brian” by Monty Python

В российском обществе востребованы отнюдь не классики литературы и не интеллигенты-моралисты, а такие же холуи-приспособленцы, каким является среднестатистический читатель – разнообразные Лукьяненки, Перумовы и т.п. патриоты скрепной идеи, которые производят литературный ширпотреб просто *делая на бумагу*. Им никогда и нигде не снесут памятников, потому что их никогда и нигде не поставят.

Среди моих знакомых есть не менее дюжины у-мовных патриотов, которые перешли на украинский язык всего несколько лет назад, и которые в настоящее время выискивают по городу оставшиеся таблички с именем “Пушкин” или уцелевшие памятники русским классикам, чтобы с гиканьем и

ликованием отменить их. У большинства из них книжные полки заставлены макулатурой, которая как две капли воды похожа на приведенный в самом начале список обложек. Думаю, каждый из нас может сказать то же самое о своих знакомых. Или даже о себе самом, если будет достаточно смелым.

Русская интеллигенция умела смотреть на себя критическим взглядом. Украинские патриоты не только лишены этого умения, но и ненавидят его проявление у кого бы то ни было. За несколько месяцев войны их психопатология из острой формы превратилась в хроническое заболевание – у украинского общества уже сформировался комплекс “исключительной правоты жертвы”, который (как ему кажется) дает ему право на безапелляционные суждения по всем вопросам мироздания.

Наши патриоты считают себя непогрешимыми потому, что в украинском обществе не слышно ни одного современного Белинского, который бы мог достойно ответить так называемым *украинским интеллигентам* (на самом деле – литературным конъюнктурщикам), подписавшим позорное письмо с требованием тотальной отмены русской культуры.

“Проповедник кнута, апостол невежества, поборник обскурантизма и мракобесия, панегирист татарских нравов — что Вы делаете?.. Взгляните себе под ноги: ведь Вы стоите над бездною...”

© фрагмент письма Белинского Гоголю

В путинской России, конечно же, белинских тоже не осталось. Критикующих тоталитарный режим русских блогеров я даже не хочу рассматривать – ни один из них не стоит внимания. Снимать пенки внимания на недовольстве режимом можно с еще большим успехом, чем на воспевании его – в обоих случаях целью и истинным мотивом является стрижка купонов *хайпа*, а попросту – монетизация (прямая или косвенная).

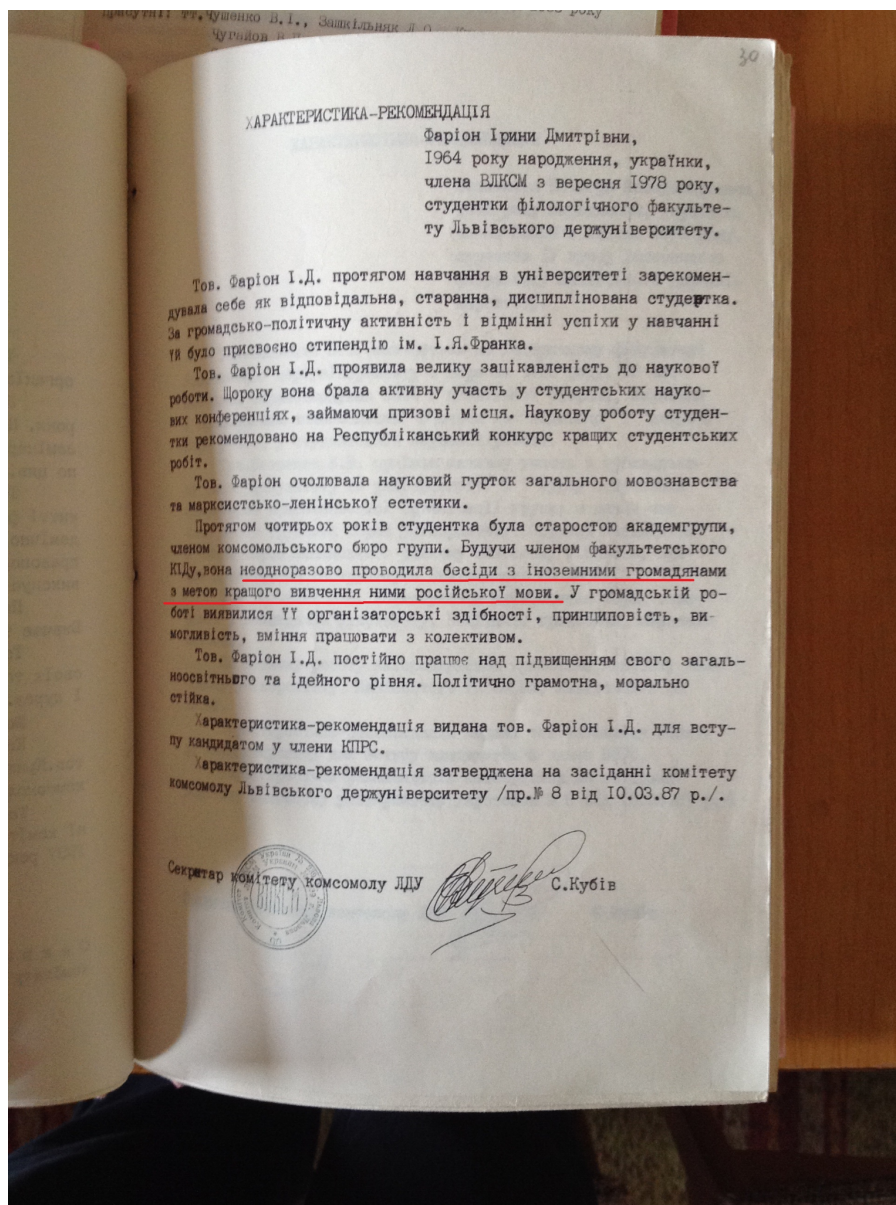
Таким образом, мы опять вернулись туда, откуда начинали. И все еще с пустыми руками – корни той иррациональной ненависти к русскому языку, которая выедаёт глаза украинским патриотам и увлажняет языки пропагандистам, ввинчивающим в мозги обывателей свои тезисы, остались невыясненными. Может быть, стоит попытаться обратиться к психологии и разобраться в причинах самой этой неистовости?

Если мы пришли к выводу, что эта ненависть не поддается рациональному объяснению, значит нам стоит проанализировать ее как иррациональное явление. А для объяснения мотивов иррационального поведения в первую очередь стоит уделить внимание самым примитивным поведенческим паттернам приспособляющегося млекопитающего.

Ирина Фарион – главный идеолог “самой патриотической партии” Украины “Свобода”, одна из наиболее одиозных пропагандистов уничтожения всей русскоязычной культуры в государстве, половина населения которого думает (и разговаривает, когда не лицемерит) на русском языке

И здесь перед нами начинает брезжить слабый свет. Оказывается, что загадку проще решить, если посмотреть на нее с... скажем так – с профиля. Мы искали различия, но что, если вместо них нам нужно поискать сходство? Ведь нам известно множество примеров того, какой гибкой может оказаться система ценностей самых оголтелых украинских патриотов, каким многогранным может оказаться их глубокий внутренний мир.

Ирина Фарион на заре своей карьеры – меняется фон, одежда, тени под глазами, однако инвариантными остаются убежденность в своей правоте и неутолимая ненависть к текущим врагам

Поэтому присмотримся внимательнее к портрету самого украинского патриота. Но не того патриота, который сражается в окопах, не обращая внимания на язык, которым общаются с ним его побратимы, а того, кто в это же время “воюет” с памятниками Пушкина на площадях страны, с вывесками на улицах и с названиями фирм – скрупулезно выискивая в них наличие букв “Ы” и “Э”. Эти домашние патриоты составляют главную гвардию каждой страны – гвардию обывателей. В любом государстве эта гвардия самая многочисленная, и, если бы не единственный ее недостаток – абсолютная аморфность, она могла бы быть непобедимой.

В сущности, она и есть непобедимой, потому что именно ее менталитет на протяжении тысячелетий успешно отражает все атаки, с которыми лучшие мыслители человечества пытаются пробить самоуверенную тупость конформного раба.

Большинство населения любой страны представляют собой люди, которые *просто живут*. Их жизненная парадигма не выходит за рамки комфортного приспособления к любым сложившимся обстоятельствам. В каждом обществе они абсолютно доминируют – их количество может составлять до 95% всего населения страны. Одной из главных черт этой части населения является то, что обыватели всех стран практически ничем не отличаются друг от друга. Их онтологический изоморфизм нивелирует все различия в месте проживания, языке общения, степени достатка, цвете кожи – подобные нюансы абсолютно не существенны для ощущения тождественности и идентичности любых двух обывателей из самых различных стран. И это не должно удивлять, ведь каждый из них подчинен примату потребностей, которые ему диктует его психосоматическая натура – а она у всех представителей вида *homo sapiens* имеет крайне незначительные вариации.

Каждый обыватель обладает невероятно развитым чутьем – именно в силу того, что его жизнь регламентирована прежде всего паттернами млекопитающего, и лишь в самую последнюю очередь – психологией *homo sapiens* и когнитивными потребностями *homo sapiens sapiens*. Именно те ощущения общности, родства, одинаковости, не выделяемости, мимикрии-на-ландшафте и эквивалентности каждой такой же единице социума, которые обывателю дает его жизненная парадигма, являются самыми ценными качествами, которые он на протяжении всей своей жизни холит и лелеет, и в совершенствовании которых достигает невиданных высот. Нам даже почти не нужно прибегать к метафоре, чтобы сказать, что каждый обыватель *чувствует своего нутром*. Это замечательное свойство, поскольку оно не только позволяет ему быстро *ориентироваться на местности*, но и предоставляет ощущения спокойствия и гармонии в мирное время.

Однако наступают моменты, когда этот механизм из поставщика теплого комфорта превращается в генератор раздражения, отравляющего обывателю всё его существование (сперва написал “всю его жизнь”, исправил). В такие моменты внутренний компас обывателя начинает указывать ложное направление. И, что самое досадное, компас при этом отнюдь не вышел из строя!

Именно из-за того, что все обыватели полностью эквивалентны один другому, именно в силу того, что каждый из них абсолютно индифферентен к каким-либо культурным веяниям и полностью иммунен к влиянию подлинной культуры, какие-либо различия между ними абсолютно поверхностны, поскольку выражены в ситуативных атрибутах – в стиле одежды, бытовых нюансах и т.п. Это позволяет обывателям быстро находить общий язык друг с другом, но это же и создает огромный дискомфорт, едва их державы открывают военные действия друг против друга, едва включается фактор национального противостояния.

Здесь и возникает этот чудовищный экзистенциальный конфликт: ведь каждый из обывателей обеих стран продолжает ощущать собственную идентичность тем, кто теперь оказался его смертельным врагом. Поначалу это ощущение приводит его в недоумение, затем наступает раздражение, после которого следует отчаяние. Если патриотизм обывателя слишком слаб, подобная фрустрация способна привести его к коллаборационизму. Впрочем, оставим за рамками данной статьи столь радикальные случаи. Наш патриот не настолько слаб.

Что же остается делать фрустрированному обывателю? Он ощущает острую потребность найти какие-либо отличия себя самого от собственной копии, прущей на его землю с оружием в руках или оставшейся в дальневосточном русском тылу ожидать возвращения ушедших воевать – в надежде, что те вернутся с новой стиральной машиной или унитазом (можно б/у).

Я упомянул эти предметы бытового комфорта не ради красного словца. У меня нет никаких сомнений в том, что если бы русские воины, грабившие украинские дома, выносили из них в первую очередь именно книги – это мгновенно порвало бы все шаблоны у каждого *пересічного громадянина*, и тут же освободило бы его от этого фрустрирующего ощущения тождественности с русским обывателем.

Что-то подсказывает мне, что в этих посылках нет ни одного томика с русскими классиками.

Увы, разрыва шаблона не случилось. И наш украинский обыватель оказался поставленным перед задачей самостоятельного поиска тех опорных маркеров, тех реперных точек, тех вех в своей ценностной системе, на которые он смог бы опереться, чтобы как можно дальше дистанцироваться в своем самоопределении от ненавистной ему российской копии себя самого.

Как мы уже понимаем, эти поиски успехом не увенчались. И не могли увенчаться. Ведь совсем недавно этот *пересічний громадянин* смотрел те же самые фильмы, слушал ту же самую музыку, любовался теми же самыми картинками и посещал те же самые сайты, которые посещают россияне. Даже в своем отношении к мировой культуре он абсолютно идентичен рядовому россиянину – он осведомлен о ее наличии и даже способен назвать несколько имен классиков, однако собственный досуг предпочитает посвящать просмотру тех же самых голливудских блокбастеров, что и его русскоязычный двойник. Оба они имеют абсолютно типовые вкусы и пристрастия в быту, их заботят те же самые проблемы (all-inclusive в Турции/Египте, потолще автомобиль – менее подержанный, чем предыдущий, сбросить в шахту супругу/супруга и погасить кредиты). Подсознательно украинский и

русский обыватели ощущают полную тождественность друг другу во всем, что касается главных критериев их самоотождествления. И это ощущение их не обманывает – отличий между ними действительно очень мало.

Оказавшийся в таком положении обыватель мечется, охваченный отчаянием. Первым делом он, конечно же, хватается за внешние атрибуты. Из платяного шкафа достается национальная одежда. Полегчало. Однако не до конца. Потребность в дистанцировании слишком велика, чтобы эту задачу можно было решить таким простым приемом. Должно же быть какое-то сугубо внутреннее и неотъемлемое качество его самого, такой атрибут, который бы отсутствовал у врага, даже если снять с них всю одежду.

Ответ на этот вопрос оказывается достаточно простым, но даже он – при всей своей примитивности – не приходит обывателю в голову самостоятельно. Это решение вкладывают ему в уши государственные пропагандисты и инфлюенсеры. Обыватель не был бы обывателем, если бы не был конформистом, склонным к *простым, интуитивно понятным и предлагаемым на блюде решениям*.

В каждом государстве пропаганда работает без устали, не считаясь ни с чем, не оглядываясь ни на какие этические критерии. Чем большая угроза стоит перед государственной машиной, тем циничнее и аморальнее методы ее пропаганды. Даже (точнее – тем более!), когда ее целью является действительно благое дело. При этом фундамент пропаганды национального масштаба всюду одинаков: *внушение гражданам страны идеи национального превосходства*. Если война еще не начата, это необходимо для того, чтобы обыватель страны агрессора решил поднять руку на свою копию. Если война уже ведется, это необходимо для того, чтобы защищающийся обыватель перестал обнаруживать в оккупантах какие-либо родственные черты. Если вам знакома фамилия Эренбург, то вы знаете, как и почему возникла формулировка “Убей фрица”. Однако даже в сталинской России не доходили до того, чтобы отменять Гёте или Канта с Гегелем.

Если россиянам в качестве центральных точек кристаллизации этой концепции послужили имперская идея и русский язык, то не удивительно, что для украинцев ими стали незалежність та українська мова. В обоих случаях языковой вопрос оказался притянут за уши, и сейчас уже не осталось никаких сомнений в том, что ненависть к русской культуре на фоне гипертрофированной важности украинского языка имеет сугубо реактивный характер, и никак не связана с реальными потребностями самоидентификации украинской нации или сохранения суверенитета украинского государства.

Я не отрицаю того соображения, что в условиях войны каждая страна оказывается поставленной перед необходимостью подобной промывки мозгов своим гражданам. Психика человека достаточно сложна, чтобы любое явление – даже крайне патологического характера – имело также и положительные стороны. В конце концов, фрустрированный обыватель, находящийся в тылу, накопивший в себе энергию ненависти к захватчикам, но не имеющий возможности вывести ее, сняв раздражение – это пороховая бочка с коротким запалом. Такая бочка, умноженная на десятки миллионов себе подобных, превращается в социальную ядерную бомбу.

Поэтому неудивительно, что людям необходимо было предоставить какой-нибудь инструмент для “сравливания пара в свисток”. Иначе социум попросту бы взорвался в панике или взаимной агрессии (проявления этого рода реакций все равно присутствуют, но куда слабее, чем могли бы). Тем не менее, нельзя забывать о том, что прибегая к подобным “свисткам”, государство превращается в полную копию того врага, с которым оно сражается. Ведь можно было бы направить благородную энергию в продуктивное и творческое русло (волонтерство, военное самообразование, приобщение гражданских к приемам самообороны и т.п.). Это, конечно, намного сложнее и не способно дать такой массовости,

но зато в перспективе такие подходы окупаются подъемом культуры и самосознания у граждан, а не деградацией их до уровня управляемого животного, которое позволяет себя науськивать на собственное отражение в зеркале.

Как бы то ни было, обыватель получил тот маркер, в котором он нуждался и который напряженно искал. Авторитетные люди провозгласили с трибун общественного вещания:

– Все ваши беды – от тех, кто пользуется буквами **Э** или **Ы**.

Обыватель наострил уши, чтобы не потерять ни слова из речи знающих людей. Те продолжили, обращаясь именно к нему:

– Вот, к примеру, русский Иван. Он говорит на русском. Следишь за ходом рассуждений?

Обыватель кивнул.

– Он в детстве читал Пушкина. Пушкин писал на русском. Для русских. Русские славят Пушкина и Путина. Чувствуешь подоплеку?

Обыватель опять кивнул и ответил:

– Конечно! Оба начинаются на «пу»!

Авторитетные люди возмутились:

– Как можно быть таким наивным?! Соберись! Мы же с тобой занимаемся анализом. Разве кроме Путина там нет других? Попробуй рассуждать логично!

Обыватель напрягся и ощутил инсайт:

– Я понял! Они на нас напали, потому что Пушкин писал на русском!

– Умница ты мой! Настоящий патриот! – поздравили его авторитетные лица и строго приказали: “Чтоб с завтрашнего дня – никакого русского! Иначе тебе не жить! А зато без русского языка ты заживешь легко и безопасно!”

Это было доходчиво, это было интуитивно понятно обывателю. Более того – эта идея была *желанна* для него, потому что переводила всю проблематику в плоскость вторичных атрибутов идентификации. Оказывается, ему не нужно прилагать никаких усилий, чтобы подняться по вертикали над своим восточным собратом. Достаточно просто отодвинуться от него по горизонтали – вдоль лингвистической координаты.

Подобные решения соблазнительны в первую очередь своей простотой, поэтому обыватель с радостью ухватился за эту идею. Он спросил: “Я могу сжигать и крушить все, что относится к этой букве **Э** и...?” “**Ы!**” – ответило государство. “Ку!” – радостно воскликнул обыватель и побежал за ломом и спичками.

Его энергия получила отличный канал для выхода, а онтология полностью выправила крен.

С точки зрения обывателей из обоих государств война на самом деле идет за выживание его страны, всей его системы мироощущения. Ни для кого не секрет, что без Украины российская империя, как таковая, полноценной быть не может. А успешная Украина, которая постепенно удаляется в сторону цивилизованной Европы, для России является не просто красной тряпкой – это сильнейший катализатор ее собственного развала. Тот же ужас испытывает и сателлитная Беларусь – она рухнет в следующее мгновение после того как обвалятся те искусственные подпорки, на которых она удерживалась все эти 30 лет.

Поэтому, если построить нормаль к плоскости этого конфликта и посмотреть вдоль нее на сложившуюся ситуацию, мы увидим, что страх русских лишиться своего образа жизни – несмотря на значительную его неосознаваемость – ничуть не уступает ужасу, который испытывает каждый украинец, когда представляет себе перспективы возвращения “под сень старшего брата”. И если т.н. “либеральные русские” основу этого страха прекрасно осознают, и поэтому виляют витиеватыми репликами: “Крым, видите ли, не бутерброд!”, то не склонные к рефлексии рядовые обыватели просто *ощущают* необходимость уничтожения всех тех, кто демонстрирует возможность жить лучше их – эта демонстрация для них тем ужаснее и отвратительнее, чем меньше они чувствуют различий между собой и своими оппонентами.

Самое главное, что с этого ракурса исчезают всякие сомнения в том что и лингвистический, и национальный вопросы пришиты к происходящему белыми нитками. А также красными, синими и желтыми.

“Тримай зрадника!”

“Пишу и вздрагиваю: вот чушь–то, неужто я против законной власти?”

Еще одним подтверждением того, что между двумя славянскими народами больше сходства, чем различий, является та легкость, с которой в обеих странах пропаганде удалось подчинить поведение своих обывателей идее безоговорочного отрицания культуры своего соседа. Россиянам без труда внушили доктрину фашизма, убедив их в том, что украинцы не заслуживают права на существование и даже на признание их людьми. Украинских обывателей легко очистили от “культурной шелухи” (и без того едва державшейся на них), освободив их от пиетета перед несомненными культурными достижениями русскоязычной культуры, а заодно и самого русского языка, как такового. И то, и другое еще недавно казалось абсолютно невозможным, однако обыватель потому и называется обывателем, что его установки ограничены ситуативными задачами приспособления к окружающей среде. Если ситуация изменилась и стала требовать от него новую реакцию, он готов обеспечить эту реакцию без всякой рефлексии, абсолютно искренне.

В этом обыватель отличается от лицемерной интеллигенции, которая неплохо понимает алгоритмы зависимостей, заставляющие ее подчиняться давлению среды. В отличие от обывателя, интеллигент не может просто так принять призыв: “«Ы и Э» – плохо! «Ї та Є» – добре!” – ему мешают неприятные ассоциации с “Фермой животных”, которые у него при этом возникают. Поэтому, принимая эту идею в качестве базового скелета, интеллигент сперва наращивает на ней мясо “*рассуждений, обоснований и доказательств*”, под которыми ему удастся спрятать ее фашистский костяк – и лишь затем начинает ей пользоваться.

То, как эти “обоснования” добываются – отдельная тема для рассуждений. Лучше всего она раскрыта в работах тех, кто анализировал деятельность академиков наук периода президента Ющенко и некоторых ректоров столичных университетов, которые подарили нашей науке идеи “*протоукраинцев, породивших человеческую цивилизацию*”, “*Будды, который родом из Середина-Буда*” и “*Христоса, который был украинцем*”.

Валерий Бебик – главный консультант пресс-службы Президента Украины (1992—1997), проректор университета “Украина” (и еще множество титулов), украинский гений исследования истории при помощи фонетического сходства имен и топонимов.

Вам казалось, что А.Б. Стругацкие шутили, когда в “Улитке на склоне” высмеивали невежество профанов:

“Я же вам достоверно говорю: эскимо изобрели эскимосы. Что? Но, в конце концов, я просто читал в одной книге... А вы сами не слышите созвучия? Эс-ки-мос. Эс-ки-мо. Что?..”

Нет такой шутки, которую патриот Украины при поддержке государства не смог бы претворить в реальность.

Как всегда, интеллигенция успешно справилась с возложенной на неё задачей, после чего их “рассуждениями” государство поделилось с народом. Обыватели воскликнули: “Ах, ось як! Виявляється, Пушкін між рядками зашифрував ненависть до нашої країни, а Толстой із Чеховим її доповнили своїми алюзіями! Дякую за пояснення! Що б ми робили без українських філологів!” – к тому моменту обыватели уже разговаривали на украинском языке. Точнее... они считали этот суржик украинским языком. Не будем их за это винить – не их вина в том, что у них плохо получалось. В у-мовном патриотизме главное не победа, а участие.

Все вышесказанное написано не с целью уравнивать украинский народ именно с русскими или с белорусами. Все обыватели являются полной копией друг друга, не взирая на страну их проживания и национальную принадлежность. Всего лишь за несколько месяцев войны 2022 года украинские граждане десятки раз могли убедиться в том, что конформизм и местечковость интересов рядового немецкого бюргера (и представляющих их интересы политиков высшего эшелона) способны превзойти по своему цинизму и аморальности самых одиозных представителей украинского или русского политического истеблишмента.

Все вышесказанное основано на общих социальных законах, и поэтому распространяется на все народы нашей планеты. Когда какая-либо нация начинает бить себя пяткой в грудь, утверждая, что именно ее фатерланд: *“über alles”, “Третий Рим”* или *“понад усе”* – это в очередной раз доказывает, что между всеми ими куда больше сходства, чем различий.

Отсюда недалеко до еще одной параллели. Не стану отвлекаться на фрейдовский психоанализ и удержусь от соблазна добавить сюда пару соответствующих иллюстраций, просто скажу: каждый, кто жил в конце XX – начале XXI века, знает азбучную истину, что самые яростные гомофобы, как правило, оказываются латентными гомосексуалистами. Основания для ненависти к чему-либо, что непосредственно ничем не угрожает ни тебе, ни твоему образу жизни, чаще всего находятся именно во внутренних комплексах и проблемах самоидентификации.

Человек, который четко осознает собственное родство с идеями свободного мира и демократическими ценностями, который идентифицирует себя не через языковую принадлежность или опосредованную идентификацию со знаковыми персонами, но через те артефакты культуры, которые он усвоил и принял в себя, не взирая на их происхождение – такой человек открыто воспринимает любую национальную культуру. Это тот представитель попперовского открытого общества, который единственно заслуживает права называться цивилизованным *homo sapiens*. Он не переживает за возможное вторжение *“в свой ранимый и непрочный внутренний мир”* чего-либо непривычного, потому что уверен в своей системе ценностей и привык доверять себе самому в процессе восприятия культурных артефактов.

В отличие от цивилизованного индивидуума обыватель такой уверенности полностью лишен. Его ценности имеют экстернальное происхождение, они ему спущены извне, механизм собственной критической оценки тех или иных феноменов у него абсолютно не развит, и поэтому вполне закономерным является то, что он не доверяет этому механизму. При этом на него давит пропаганда,

которая со всех сторон внушает: “Все плохое, что есть в тебе – это не твое, сам ты был бы идеален, если бы не русская культура. Сегодня Пушкина читаешь, а завтра Путина встречаешь!”

Обывателю страшно. Ему не за что ухватиться, потому что он видит: справа и слева стоят его собственные копии из враждебного мира – они ждут, когда ослабнет его патриотическая стойкость и он свалится в их коварные объятия. Обыватель облачается в вышиванку, как в защитный скафандр, и бежит на улицы крушить памятники, подчиняясь точно тому же мотиву, который в средневековье заставлял иезуитов, не способных справиться с соблазном влечения к женщинам, сжигать их на кострах по обвинению в колдовстве.

В сущности, каждый гомофоб воюет с собственной боязнью поддаться соблазну попробовать новое ощущение. Каждый обыватель, с гиканьем добившийся переименования улицы Ломоносова на никому не известного национального персонажа, ощущает, что он добавил *another brick in the wall*, предназначенную ограждать его от среды, которая продолжает сохранять для него притягательность. Потому что инстинкты никуда не делись – *своих* он по-прежнему *чует нутром*.

А ргорос: ни один из примеров, приведенных в данной статье, не является выдуманным. В день написания этой статьи мэрия Тернополя радостно отрапортовала об освобождения города от “засилья русской культуры” – в числе переименованных улиц были не только многострадальные Пушкин и Толстой, но и улица Ломоносова. Теперь это улица певички “Квітки Цісик”. Уверен, что ни один из вас не знает ее.

Борьба продолжается. Памятники успешно сносятся, на их щебне воздвигается стена отгораживания, иррациональные страхи заглушаются иррациональными же поступками. Пропаганда уверяет обывателя в том, что это признаки его “сознательного роста”. Он уже сменил язык и три названия на карте города. Прогресс налицо. *Пересічний громадянин* считает, что это признаки эволюции. На самом деле он лишь меняет атрибуты приспособления к окружающей среде. В разные периоды этой своей “эволюции” он носил пионерские галстуки, комсомольские значки, ватники... Теперь в тренде вышиванки? “Нема питань!” Его даже не пугает возможная эклектика – нередки ситуации, когда он легко совмещает атрибуты из совершенно противоположных идеологий. Наблюдая за нашими украинскими деятелями и медиа-дельцами, очень часто видишь, как виртуозно играет “балалайка” в руках “патриота в вышиванке”.

Собственно, мы это видим каждый день, когда наблюдаем за тем, как в украинском обществе кремлевскими методами превращения граждан в бескультурное стадо пытаются построить “суверенное государство” с “европейской культурой”.

Впрочем, может быть это действительно и есть та европейская культура, которая единственно возможна – ведь не зря же при виде политиков той же Германии или Франции ассоциации с Шариковым возникают ничуть не реже, чем при наблюдении за выступлениями нашего министра культуры и подпевающего ему хора *мальчиков-зайчиков* из т.н. украинской интеллигенции?

Каждый человек тем глубже мыслит, чем свободнее ему удастся выразить свои мысли. Богатство ассоциаций, пространство метафор, которыми он оперирует, оттенки настроения, семантические виньетки, аллюзии и параллельные конструкции – все эти неотъемлемые качества по-настоящему богатой речи можно обнаружить только у того, кто свободен от необходимости пропускать через фильтр политического или патриотического регламента вербализацию собственных мыслей. До какого бы автоматизма вы ни доводили эти фильтры, как бы ни вытесняли их в подсознание, они все равно будут веригами, которые не позволят вам ни построить выразительный нарратив, ни вообще по-настоящему свободно мыслить. Мы любим цитировать из Оруэлла “Свобода – это рабство”, подразумевая при этом презренных россиян, однако забываем при этом, что в своем великолепном “1984” он подарил нам немало других идей, которые куда актуальнее в нашем – украинском – государстве. Я имею в виду новояз. Надеюсь, все помнят рассуждения Сайма о главной задаче преобразования словаря: удаление из него всех семантических элементов, которые способны выразить что-либо, кроме “плюс-плюс одобряю партию!”.

Отфильтрованный язык лишает человека возможности критически оценивать окружающее. Декартовское “*Dubito ergo cogito*” оборачивается когнитивной дисфункцией убежденного патриота. Лишенный способности критической оценки лишается способности мыслить вообще.

Именно этот процесс сейчас происходит с у-мовными патриотами. Они являются теми самыми саймами, которые добровольно оскопляют собственное мышление. Сами они при этом могут не замечать подавления свободы речи и мышления потому, что никогда не пользовались этими когнитивными инструментами в таких масштабах, которые бы требовали чего-то большего, чем речь Шарикова в отделе по уничтожению ~~памятников Пушкина~~ несчастных котов.

Те, кто хотя бы поверхностно интересовались психолингвистикой и философией сознания, знают, что основные механизмы формирования речи и преобразования образного мышления в вербальный нарратив скрываются в бессознательном. Индивидуум переоценивает собственное влияние на формирование своей речи – на самом деле участие его сознания в “сборке” речевых паттернов куда

слабее, чем роль бессознательного. Наше сознание получает контроль лишь над уже готовыми “заготовками” – законченными фрагментами речи, которые рождаются в мире нашего бессознательного. И этому бессознательному всегда наплевать на социальные императивы и политическую конъюнктуру, которые актуальны в государстве в настоящий момент – на то оно и бессознательное, чтобы жить по своим собственным законам. Оно продолжит генерировать речевой контент по своим собственным лекалам. Человек может добавить этап автоматической трансляции этого контента в “правильную” речь и вытеснить в бессознательное факт наличия у себя этого фильтра, однако в основных техпроцессах он ничего не изменит.

Если человек сформировался и вырос, разговаривая на каком-то одном языке, и долгие годы использовал именно этот язык в качестве основного для решения всех своих жизненных задач, его речь до конца его дней неизбежно будет *производиться* исключительно на этом языке. Черный ящик бессознательного по-прежнему будет поставлять ему речевые фрагменты и заготовки, исполненные именно на этом языке. Безусловно, их можно будет пересобрать перед тем, как “вывести в тираж”. Субъект может сделать процесс автоматической трансляции этих заготовок в какой-либо иной язык практически незаметным для себя самого, однако сам этот этап “пересборки” он исключить не сможет никогда. Редкие исключения из этого правила представляют собой билингвы – люди, которые были рождены, воспитаны и образованы в многоязычной среде с самого момента своего появления на свет. Однако даже у этих людей проскальзывали признания в том, что у каждого из них есть свой “персональный” язык, на котором он разговаривает сам с собой, если его на долгое время вырвать из языковой среды, и оставить без собеседников. У 99.99% людей язык внутреннего монолога всегда один-единственный, каким бы полиглотом он ни являлся. Виртуозно владеющему несколькими языками может показаться, что он легко “переключает” внутреннего себя с одной национальной культуры на другую, но эта виртуозность обусловлена ничем иным, как автоматизмом трансляции, доведенным до совершенства.

В Украине сейчас преследуются те же самые цели, которые преследовали авторы новояза, хотя выбранные методы отличаются от описанных Оруэллом. Жители англосоца уродовали собственный язык, под страхом наказания выбрасывая из него все сложные конструкции. Жителей Украины перевели на язык, который их убедили считать “правильным для выживания”. Суть эффекта осталась той же – их мысли стали кастрироваться, терять в глубине и в богатстве оттенков, их система ценностей радикализировалась, а весь спред суждений стал помещаться в небольшом пространстве “плюс-позитивного патриотизма”.

Если эта тенденция сохранится, очень скоро в Украине будет невозможно сказать на русском языке: “Я русскоязычный украинец и люблю Украину”. Сегодня это предложение *не хотят* понимать. Завтра его понимать уже *не смогут*.

В завершение я хочу предложить тест, который позволит каждому человеку, знакомому с английским, украинским и русским языками, определить – насколько легко и естественно его мозг “поддерживает работу” на каждом из них. Это, безусловно, весьма поверхностная методика, но даже ее статистики может оказаться достаточно для думающего читателя. Этот тест создан больше для развлечения читателя, дочитавшего статью до конца.

Тест основан на широко известном эффекте Струпа – вы можете не утруждать себя гуглением, а просто открыть страницу с тестом – все ссылки на описания методик вы найдете в начале теста:

<https://strooplangtest.vercel.app/>

Вы можете пройти тест сейчас или после того, как дочитаете оставшиеся абзацы.

Не секрет, что никакой перевод с одного языка на другой не способен полностью отразить абсолютно все смысловые оттенки, нюансы интонации, скрытые аллюзии, стилистические виньетки и даже фонетические атрибуты речевой конструкции, составляющие богатство исходного лингвистического материала. Хороший переводчик непременно творец. Однако трансляция с одного языка на другой подразумевает такие подводные камни, которые вообще невозможно обойти – широко известным примером является проблема идентификации цветов в разных культурах (здесь рекомендую работу когнитивного лингвиста Дж. Лакоффа “Женщины, огонь и другие опасные вещи”). Может ли автоматический “мгновенный” переводчик, который убежденный государством патриот вытеснил в свое бессознательное, быть качественным транслятором его мыслей? Конечно же, нет. Чем быстрее будет осуществляться этот перевод, тем поверхностнее будет та мысль, которую способен будет донести этот переводчик.

Сейчас многие стараются забыть об открытой статистике, которая еще на протяжении последних лет регулярно публиковалась в Украине – демография, представленность языков, культурные предпочтения и т.д. На протяжении нескольких лет эти цифры практически не менялись и свидетельствовали о том, что половина населения страны в своем быту использует русский язык. Сейчас эту статистику собирать бесполезно – во время войны это невозможно чисто организационно, но самое главное – военный психоз не позволит получить релевантного результата. Люди склонны выдавать желаемое за действительное и подчиняться тенденциям новояза – в иррациональной надежде, что этим они дистанцируются от врага и станут “менее зависимыми от его влияния”.

Если украинских обывателей убедят в том, что с завтрашнего дня патриотично разговаривать исключительно на одном из языков полинезийской группы – они сцепят зубы и выучат ту базовую основу, которой им хватит для удовлетворения всех их коммуникативных потребностей. При этом мыслительные процессы большинства из них это никак не ограничит – по той простой причине, что ограничивать их попросту некуда. Их прежняя ассоциативная база не подвергнется деградации – потому что она и раньше не удивляла сложностью и густотой смысловых разветвлений. Они не столкнутся с неприятным ощущением потребности дробления сложноподчиненных конструкций на короткие и отрывистые реплики – их речь и так состоит именно из них.

Посмотрите внимательнее на эмоциональность, крикливость, безграмотность и хамство, с которыми у-мовные патриоты набрасываются на несогласных с ними – и вы заметите, что их речь уже мало похожа на человеческий язык, скорее это – лай, который заменяет речь Шарикову, возвращающемуся в собачий облик.

Вместо послесловия заключительный эпиграф:

***“Непротивленью, панове, мерзко.
Это мне — как серпом по яйцам!”***

© И. Бродский

© Валентин Лохоня 2022.07.10

<https://nonnihil.net>